

того общаго положенія, что удовольствія бываютъ только отрицательныя, т.-е. что всякое удовольствіе есть только избавленіе отъ какого-нибудь страданія. Мысль эту онъ поддѣрживаетъ многими примѣрами того, какъ мы относимся ко всевозможнымъ благамъ жизни. Пока мы здоровы, сыты, одѣты, защищены отъ непогоды, не терпимъ ни отъ кого несправедливостей, живемъ со всѣми въ мирѣ,—мы не замѣчаемъ ни одного изъ этихъ благъ, то-есть относимся къ нимъ совершенно равнодушно, не чувствуемъ отъ нихъ ни удовольствія, ни неудовольствія. Дорогими же они становятся для насъ только тогда, когда мы ихъ лишаемся и когда, слѣдовательно, наступаетъ уже страданіе. Намъ очень трудно отвлечь вниманіе отъ узкаго сапога, жмущаго ногу; но если сапогъ сидитъ хорошо, мы его не замѣчаемъ, и только тогда, когда мы снимаемъ узкій сапогъ и такимъ образомъ избавляемъ себя отъ имѣющагося на лицо страданія, является удовольствіе. То же самое, утверждаетъ Шопенгауеръ, повторяется всегда и всюду, такъ что единственный видъ удовольствій, доступный человѣку, это—избавленіе отъ страданій. Понятно, что съ этой точки зрѣнія дальшее устраненіе страданій идти некуда. Такимъ образомъ, въ глазахъ Шопенгауера, зло, указываемое Гартманомъ, опять-таки сводится къ природѣ вещей.

Гартманъ далеко не такъ рѣшителенъ въ своихъ воззрѣніяхъ на природу удовольствій. Онъ даже совершенно не соглашается съ Шопенгауеромъ, что удовольствія могутъ быть только отрицательными. Возможны, говоритъ онъ, и такія удовольствія, которыя являются не какъ слѣдствія избавленія отъ страданія, а сами по себѣ. Когда человѣкъ не чувствуетъ ни страданія, ни удовольствія, то онъ находится въ состояніи безразличія; поэтому одно устраненіе страданія приводитъ его именно къ такому состоянію,—такъ сказать, къ нулю (*Indifferenzpunkt, Null der Empfindung*). Но возможны удовольствія, которыя поднимаютъ чувство выше этого состоянія; таковы, говоритъ Гартманъ, наслажденія искусствомъ, наукой и чувственными. Всѣ они могутъ являться безъ всякаго предшествовавшаго страданія. Шопенгауеръ, какъ мы видѣли, считаетъ это потому невозможнымъ, что, удовольствіе есть удовлетвореніе потребности и поэтому ему всегда должно предшествовать ощущеніе неудовлетворенной потребности, то-есть страданіе. Гартманъ на это возражаетъ, что разсматривая какое-нибудь удовольствіе чувственное или художественное, мы не замѣчаемъ никакой потребности, прежде чѣмъ удовольствіе наступило. Объяснять это такъ, какъ объясняетъ Шопенгауеръ наслажденія художественныя и философскія, Гартманъ не считаетъ возможнымъ; такого удовольствія, говоритъ онъ, которое бы